

Бутылина Е.В. Глобализация как фактор маргинализации современного общества [Текст] / Е.В. Бутылина // Методологія, теорія та практика соціологічного аналізу сучасного суспільства: збірник наукових праць / Харківського національного університету ім. В.Н. Каразіна. - Харків: видавничий центр Харківського національного університету ім. В.Н. Каразіна, 2002. — С. 272-274.

Бутылина Е.В.

Глобализация как фактор маргинализации современного общества

У статті розглядаються проблеми поширення глобалізаційних процесів у сучасному суспільстві та їх вплив на стан його маргіналізації. Автор аналізує культурну глобалізацію як процес зіткнення локальних культур та поширення процесу глокалізації, доводить, що глобалізація детермінує процес створення нової всесвітньої стратифікації, наслідком якого є виникнення стану глобальної маргіналізації, що відбивається у суттєвій диференціації між різними регіонами і суспільствами у світі, а також у підвищенні ролі маргінальної людини як особи, що створює нові зразки культури, поведінки.

The problem of broadening global processes in modern society and their influence on the state of its marginalization are considered in this article. The author has fixed attention on the analysis of some important moments: in the first place cultural globalization is considered as the process of collision of local cultures and broadening of glocalization process. In the second place globalization is the process of creation a new world stratification. The consequence of this process is analysed – coming into existence of global marginalization that reflects in essential differentiation between different regions and societies in the world and increasing the role of a marginal person who creates new standards in culture and behavior.

Одной из самых популярных тем современной социологии стала тема глобализации. Исследуя глобализационные процессы, социологи пытаются определить их позитивные и негативные последствия, выявить приоритеты мирового развития. Среди актуальных проблем, связанных с глобализацией,

особого внимания, на наш взгляд, заслуживает такая, как усиление маргинализации современного общества.

Что происходит с миром сегодня? Расширяется мировой рынок (деятельность транснациональных компаний (ТНК), мировых финансовых компаний), происходит универсализация информационных связей и усиление влияния информационных и коммуникационных технологий, выдвигаются на первый план такие социальные акторы, как межгосударственные неправительственные организации, различные движения (женские, экологические). Все это имеет далеко идущие последствия для культур, идентичностей и стилей жизни.

«В этом мире локальные культуры и идентичности утрачивают корни и заменяются символами товарного мира, взятыми из рекламного и имиджного дизайна мультинациональных концернов. Бытие становится дизайном – причем повсеместно» [1 с.82]. Так рассуждает У. Бек, описывая процесс культурной глобализации. С одной стороны, мир «упрощается», так как весь спектр возможных реакций человека начинает сводиться к определенному набору символов универсальной культуры, с другой стороны, так называемая макдоналдизация – универсализация в смысле унификации стилей жизни, символов культуры и транснациональных норм поведения способствует искажению особенного, самобытного, специфического.

Один из отцов теории культурной глобализации Р. Робертсон не устает подчеркивать, что глобализация всегда связана с локализацией, при этом отвергается образ закрытых отдельных обществ и соответствующих им культурных пространств, напротив, речь идет о новом усилении роли локального. «Глобально» означает «во многих местах одновременно», т.е. транслокально.

Р. Робертсон считает, что «культурная глобализация перечеркивает отождествление национального государства с национально-государственным обществом, производя и сталкивая друг с другом транскультурные формы коммуникации и жизни, представления об ответственности и этнической

принадлежности, о том, какими видят себя и других отдельные группы и индивиды» [1 с.89].

В данном контексте становится заметно, что тенденция такова: глобализация рассматривается как сила, сталкивающая локальные культуры. При этом локальное рассматривается как аспект глобального, а последнее не может существовать без первого. Возникает синтетический термин – глокализация. Если принимать данную позицию, то можно предположить, что человек, живя в таком мире, по определению становится маргиналом, усваивая образцы различных локальных культур, не останавливаясь на какой-либо конкретно. Постоянное усложнение социальных связей практически исключает возможность унификации образцов культуры. Создается новая социальная реальность – новая социокультурная иерархия. Однако для большинства стран и регионов такая тенденция смешения культур рассматривается не иначе как попытка перенесения образцов западной культуры на их территорию. Отсюда и оппозиции традиционного и западного, самобытного и импортированного, своего и чужого. Но как известно, чужое очень редко становится своим, поэтому возникали и будут возникать своеобразные культурные гибриды, создающие новые образцы взаимодействия. Исходя из этого, сегодня чаще всего такие термины, как самобытность и маргинальность отождествляются, создавая новую социокультурную реальность.

Развивая теорию глокальных культур Р. Робертсона, А. Аппадурои вводит новое понятие, придавая ему особый смысл. Он говорит о *ethnoscapes*, подразумевая под этим «ландшафты личностей», определяющих характер беспокойного, меняющегося мира, в котором мы живем. Это туристы, иммигранты, беженцы, эмигранты, иностранные рабочие и другие подвижные люди или группы людей. От них и их неустроенности исходят импульсы, ведущие к изменению политики внутри нации и между нациями; но они лишь одна из ипостасей глобальной культуры. Такие люди, которых мы всегда считаем маргиналами, часто начинают задавать новый тон дальнейшего развития региона или конкретного общества. Не задерживаясь на одном месте

длительное время, они с каждым переездом обогащают себя новыми культурными образцами, формами поведения, ценностями. Эту новую информацию они перерабатывают, создавая некие синтезированные образы реальности, которые становятся своеобразными ориентирами на пути развития общества. В таком случае маргинальное положение этих людей способствует глобальной трансформации жизненных ценностей и установок большинства, изменяя существующую реальность.

Одной из наиболее показательных тенденций современности является тенденция постоянного усиления влияния СМИ, которые формально стирают все границы государств на политической карте мира. Информационные потоки, преодолевая все преграды, транслируют так называемые «воображаемые миры», которыми люди обмениваются и живут в них. А. Аппадурри считает, что воображение обретает все большую власть над повседневной жизнью людей. «Эта новая власть глобальной виртуальной индустрии означает, что локальные формы жизни взрываются и заполняются «образцами», фабрикуемыми где-то там, далеко за пределами конкретного социального и пространственного существования» [1 с.101].

Необходимо отметить, что возникает ситуация, когда различные образцы культуры смешиваются, выдавая на-гора новые, синтезированные, непохожие ни на один из предыдущих образы социальной реальности, в которых человек должен жить, приспособившись и изменяя их. Образуются «нечистые» жизненные миры. Образ изолированных друг от друга отдельных обществ заменяется противоположным образом единой мировой системы.

Можно говорить и о другом аспекте глобализации. Глобализация как процесс *новой всемирной стратификации*.

«Глобализм редуцирует новую сложность глобальности и глобализации к одному – экономическому – измерению, которое к тому же мыслится линейно как непрерывное расширение всякого рода зависимости от мирового рынка» [1 с.202]. Действующая в мировых масштабах экономика подрывает основы национальной экономики и национальных государств. А деятельность ТНК

воплощает в жизнь тезис о мировом разделении труда, когда производство продуктов и оказание услуг рассредотачивается в разных местах мира, пренебрегая зачастую деятельностью национальных фирм. У них (ТНК) возникают достаточно обширные возможности для выбора: куда делать инвестиции, где производить, где платить налоги и где жить. Поэтому вся сложность ситуации заключается в том, что они становятся «виртуальными налогоплательщиками», которые живут в одном месте, производят в другом, сбывают в третьем, а налоги платят там, где они самые низкие. Таким образом, производства, сопряженные с риском, выводятся в страны с дешевой рабочей силой. «Существует постоянное взаимное «притяжение» между крайней бедностью и крайним риском» [2 с.49]. Такая ситуация играет только на руку «акулам бизнеса», которые пользуются наивностью малограмотного населения таких регионов, размещая на их территории опасные для жизни и здоровья предприятия. Так У. Бек описывает два таких региона: это Вилла-Паризи – самое грязное химическое производство в мире (Бразилия) и Бхопал (Индия), где в результате утечки газа на одной из химических фабрик погибло более 3 тыс. человек и около 20 тыс. ослепло.

Постоянно усиливающееся обнищание третьего мира делает все ярче картину резкой поляризации мира в глобальном масштабе. К тому же в бедных странах войны разражаются гораздо чаще, чем в богатых, и наибольшие страдания они приносят самым бедным людям планеты. «Войны разрушают экономику, уничтожая материальный, человеческий и социальный потенциал – сокращая инвестиции, государственные средства изымаются из производственной сферы, а высококвалифицированные специалисты вынуждены эмигрировать из страны. Во время гражданской войны производство продукции на душу населения падает в среднем более, чем на 2% в год по сравнению с тем показателем, который мог бы быть достигнут при отсутствии конфликта» [3 с.52]. Тенденции, к сожалению, неутешительны – неравенство в доходах между странами резко увеличивается. Глобальные тренды неравенства являются отражением трендов неравенства как между

странами, так и между людьми внутри страны. В такие страны ограничен доступ новой информации, а та, которая все же поступает, производит иной эффект, чем в более благополучных странах.

Поэтому на наш взгляд, необходимо говорить о развитии новой мировой структуры, в которой есть место странам богатым – экономическим магнатам и место тем, кто берет на себя удар по размещению вредных производств, где рабочая сила очень дешевая, где достаточно высок уровень безграмотности населения, что позволяет инвесторам действовать свободно и безнаказанно, перекладывая вину за возникающие экологические катастрофы на некомпетентность работников. Эти страны и регионы становятся исключенными из процесса мирового развития, оставаясь на обочине, они вынуждены зачастую решать свои проблемы в одиночку, а та помощь, которая поступает им извне (либо в виде инвестиций в экономику, либо в виде помощи в решении военных конфликтов), не способствует их интеграции в мировую систему. Таким образом, они находятся на грани, на краю, не вписываясь в изменяющееся мировое сообщество: они маргиналы. Их статус неустойчив, что влечет за собой еще большую их изоляцию. Но культуру третьего мира, развивающихся стран, маргинальных обществ нельзя назвать культурой второго сорта. Просто это незападная культура. Возникает новое явление – формирование незападного универсализма. «Этот универсализм исходит из того, что маргинальное является нормой, некоей здоровой национальной и самобытной основой, которая может быть противопоставлена тем типам социальности, которые представляют Запад и рассматриваются как чуждые, больные, антинациональные» [4 с.431-432]. Мозаичность третьего мира столь велика, что никакой основной культуры положено в основу быть не может.

У. Бек называет современное общество обществом риска, в котором заложен потенциал саморазрушения цивилизации, что «делает реальнее или по меньшей мере неотложнее и утопию мирового сообщества» [2 с.57]. Конечно, сегодня говорить о мировом обществе можно с определенной осторожностью. Наличие разнообразных транснациональных экономических компаний,

ведущих активную экономическую и финансовую деятельность, опутывающая сеть различных информационных потоков, формальное стирание границ между национальными государствами – все это еще не приводит к тому, что возникает мировое общество (мировое государство). Отсутствие координирующего центра – политической власти, изоляция (социальное исключение) целого ряда регионов из процесса строительства мирового сообщества, невозможность создания унифицированной культуры тормозит этот процесс, ставя под сомнение саму его возможность.

Нет сомнения, что потенциальные возможности воздействия последствий глобализации на личность достаточно широки, поэтому в рамках модели глобальной культуры возникает необходимость анализа ее самоидентификации в условиях формирования мировой системы. Можно говорить о влиянии маргинализации на конкретного человека. Это проявляется в смене образа жизни и форм мышления, в изменении образов идентичности, мировосприятии и т. д.

Рассматривая самоидентификацию как процесс самоотождествления личности с какой-либо конкретной социальной группой, необходимо четко определить границы этой группы. Возможно принять идею Р. Робертсона, который первым сделал эмпирическим индикатором рефлексивного мирового общества «степень осознания и сознания того, что мы живем в мире как одном глобальном месте (локусе)» [1 с.155]. Возникает вопрос: что такое мировое сообщество, где и как оно существует, кто его составляет, что значит – человек мира? Конечно, трудно говорить о существовании мирового сообщества, скорее это воображаемая, конструируемая в нашем сознании особая реальность, которая изменяет мировоззрение человека. Если стиль жизни в большей степени сегодня определяется символами (картинками) воображаемой реальности, поставляемыми СМИ (особенно телевидением), то идентификация – процесс, который реализуется на двух уровнях: рациональном и эмоциональном, в значительной степени определяется желаниями и стремлениями людей, выражающимися в определенной эмоциональной

реакции на явления социальной действительности. Известно, что эмоциональный компонент в этом процессе доминирует над рациональным, поэтому желание считать себя человеком мира не всегда сопровождается необходимым знанием и пониманием данной проблемы. Следовательно, нет возможности для нормальной идентификации, она становится искаженной, неполной. В такой ситуации сложно однозначно оценить влияние усиливающегося процесса глобальной маргинализации на каждого конкретного человека, однако можно говорить, что современная глобальная маргинальность имеет специфику, ведь маргинален не сам человек, а его социальные связи. Поэтому анализ проблемы маргинальности должен носить междисциплинарный характер, накапливая информацию из разных сфер знания. Однако ведущая роль в данном анализе должна быть отведена социологии, которая, вооружившись данными последних разработок психологии, социальной философии, политологии, культурологии и других наук, должна выработать необходимую систему знаний и приобрести определенный социальный опыт по преодолению маргинальности сознания и маргинальных социальных процессов.

Литература:

1. Бек У. Что такое глобализация?/Пер. с нем. А. Григорьева и В. Седелника; Общая редакция и послесл. А. Филиппова.-М.: Прогресс-Традиция, 2001.-304 с.
2. Бек У. Общество риска на пути к другому модерну/ Пер. с нем. В. Седелника и Н. Федоровой.-М.: Прогресс-Традиция, 2000.-384 с.
3. Доклад о мировом развитии 2000/2001 года. Наступление на бедность.-М: Издательство «Весь мир», Всемирный банк, 2001.-376 с.
4. Атоян И.А. Социомаргиналистика: Монография.- Луганск: РИО ЛИВД, 1999. – 456 с.